

Ольга Погодина-Кузмина

*СЕРДЦЕ НИЖИНСКОГО
хроники апокалипсиса*

монодrama для безумной балерины

2010

Ольга Погодина-Кузмина

**Сердце Нижинского.
Хроники апокалипсиса**

2010

Погодина-Кузмина О.

Сердце Нижинского. Хроники апокалипсиса / О. Погодина-Кузмина — 2010

«Горят щеки – значит, кто-то вспоминает. Я вспоминаю умерших людей. Что, если нас тоже вспоминают мертвые? Что мы чувствуем, когда кто-то молится за нас?..» Монопьеса для безумной балерины, текст в авторской редакции.

Содержание

19 марта, суббота	5
22 марта, вторник	6
27 марта, воскресенье	7
30 марта, среда	8
2 апреля, суббота	9
6 апреля, среда	10
15 апреля, пятница	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ольга Погодина-Кузмина

Сердце Нижинского.

Хроники апокалипсиса

19 марта, суббота

Горят щеки – значит, кто-то вспоминает. Я вспоминаю умерших людей. Что, если нас тоже вспоминают мертвые? Что мы чувствуем, когда кто-то молится за нас?

Что теперь будет с нами? Что означает эта череда потрясений? Может, Бог стучится в наши сердца? Может, Бог оставил нас? Опустил вечный сумрак, чтобы бесследно истребить нас, стереть с лица Земли? Или *он* снова хочет испытать нас?

Сегодня был странный сон. Мы шли по Набережной Неисцелимых – Дягилев и я. Он – значительный, высокомерный. Шиншилла – называли из-за рано поседевшей пряди, вот здесь, надо лбом. «Шиншилла знает всё об искусстве! – шептались девочки в кордебалете. – Он играет на фортепьяно лучше нашего аккомпаниатора»...

Дорогой Сережа. Шёл рядом и ругал меня. «Ты бездарность, ты ничего не добила в жизни, и ничего не добьешься. Тебя взяли в труппу из жалости, ты ни к чему не пригодна»... Я пыталась возражать, вспоминала свои успехи, но он не слушал. С удивлением думала – как же? Ведь раньше он хвалил меня, а теперь так холоден и строг...

Я должна заниматься экзерсисом танцевальным. Я должна развивать мои мышцы. Я чувствую смерть моим танцам, но буду танцевать ещё лучше. Сергей Павлович станет доволен... Он снова полюбит меня...

Если думать о том, что происходит, можно сойти с ума. Повернуть время вспять, оживить тени прошлого, чтобы не помнить о настоящем. Радость! Танец – это радость... Танец – это любовь.

Села читать письма и поняла, что сегодня день его рождения. Который по счету? Боже, боже! Прошло столько лет! Он умер в августе тысяча девятьсот двадцать девятого года, в Венеции. Может, этот сон послан мне из неведомого мира?

Попросила Ольгу купить толстую тетрадь. Теперь я буду записывать свои сны.

Сальвадор Дали обещал какому-то американскому музею сфотографировать Бога за 150 тысяч долларов. Жаль, что у меня нет этой фотографии. Я бы поставила её на тумбочку рядом с кроватью.

22 марта, вторник

Весь день идет снег. Вчера Ольга принесла откуда-то два сломанных деревянных стула. Дерево живое, оно горит веселее, чем уголь. Долго смотрели в огонь. Разве это не чудо, что в нашей комнате сохранился действующий камин? Это знак свыше – значит, нам позволено жить, заботиться о телесном.

Долго не спали этой ночью. Сидели, прислонившись спиной к теплу, вспоминали. Ольга сомневается, что в этом году наступит весна. Она считает, что Земля остыла, и снежный покров будет становиться всё толще.

Я вспомнила *его* слова: «Земля задыхается. Она производит землетрясения. Я знаю, что люди не понимают землетрясений, поэтому ругают Бога».

Мы с Ольгой помним слишком много. Мы помним время, когда снег ещё убирали с улиц. Теперь, когда у нас украли лопату, мы можем оказаться в сложном положении. Если дверь завалит снегом, Ольге придется выходить из дома через окно. Хорошо, если сугробы будут плотные, она сможет легко залезть обратно. Она сказала – тогда и другие смогут залезть. Я не знала, что на это ответить.

Разрушение так же старо и скучно, как строительство. Как верно он заметил. Милый, несчастный Александр Блок... Потому что и разрушают, и строят рабы. Мы все – рабы своих потребностей: мы не можем не спать, мы не можем не есть. Мы всё время будем строить и разрушать, оставаясь рабами, пока не придумаем что-то третье... Раньше мне казалось, что третий путь – творчество. Мой танец в облаке души...

Творчество соединяет в себе созидание и разрушение, как глина соединяет в себе землю и воду. Но это всё те же земля и вода... Чтобы глина стала *амфорой*, нужен огонь. И воздух.

Я, сотворенная из земли и воды, жива, пока во мне теплится огонь. Но всё, о чём я думаю сейчас – как заново открыть этот способ подняться в воздух?

27 марта, воскресенье

Два часа занималась у станка и упала в обморок от голода. Ольга пошла на толкучий рынок продавать вещи. Ольга очень любит меня.

Все эти дни вспоминаю Дягилева.

В театре Сергей Павлович часто принимал особую и необычайно отталкивающую осанку, надевал монокль и едва здоровался с простыми танцовщиками. При этом с самой приятнейшей улыбкой кланялся высокопоставленным знакомым... Теперь смешны эти обиды. На Дягилева нельзя сердиться, особенно во сне.

Что испытывает человек, вынужденный признать себя бездарным?

Пишет о себе: «Я шарлатан, притом исполненный блеска; великий чародей; нахал; человек, обладающий большой долей логики и малой – щепетильности; человек, удрученный, кажется, полным отсутствием таланта. Кстати, видно, я нашел свое истинное призвание: меценат. Для этого у меня всего есть в достатке, кроме денег, но это придет со временем!». Ему двадцать три года, он влюблен в искусство, в себя в искусстве, в себя в зеркале, в своё блестящее будущее...

Сегодня видела во сне хорошее, но когда проснулась, всё забыла. Ольга любит меня, но она совсем не умеет торговаться. Выменяла чернобурку на несколько вареных картофелин. Я любила свои меха...

Теперь мою чернобурку наденет чужая женщина, чтобы пойти на улицу развратничать с солдатами. Нет, солдаты – не верное слово. Не знаю, как их назвать. Варвары? Басурманы? Голодные лица, зубастые рты. Клёкот вместо речи. Они не поймут балет, даже если им объяснить. Впрочем, им ничего не объяснишь.

Если бы я могла, я бы им сказала: балет – это радость! Мы танцуем радость! Нет, я не верю, что больше этого не будет!.. Как люди смогут жить?..

Я сейчас плачу, но я удерживаю слезы – скоро придет Ольга. Она не должна видеть, что я плакала. Я должна о ней заботиться, беречь её здоровье. Я не боюсь смерти, но я боюсь её смерти. Она живет одними воспоминаниями.

30 марта, среда

Старший брат Стасик выпал из окна и разбил голову. Пришлось отдать его в психиатрическую лечебницу в Лигово. Часто говорят – в безумии есть высшая цель, безумец иначе видит мир, это расплата за гениальность. Стасику было восемь лет. Он остался в сумасшедшем доме на всю жизнь. За что Бог потребовал от него расплаты? Трудно верить в предопределение, когда страдают дети.

Сегодня приходил странный человек в темных очках, закутанный в шарф. Принес хлеб, консервы, кофе, сахар, коробку конфет и четыре яблока. Сказал, что он давний мой поклонник... Я не могла вспомнить его лица. Я надела свое лучшее платье, меха. Ольга сварила кофе. Мы сели за стол и представляли, будто жизнь идет прежним порядком. Будто слово «балет» ещё что-то значит. Можно было забыть, что снег больше никогда не растает. Забыть, что на улицах режут, сажают на кол, жгут дома.

Обжигающий кофе, конфеты – было сладко и хорошо. Совсем как раньше, рассуждали о политике – но не всерьёз, а что-то легкое, ни к чему не обязывающее.

Гость говорил: *«У нас в России люди разделяются на две категории – на вечно «во весь голос» протестующих и на вечно покорно молчащих. И то и другое одинаково бесцельно, так как при этом у нас совершенно отсутствует третья категория – людей что-либо «делающих».*

Эти рассуждения о всеобщей праздности звучали так очаровательно старомодно. Сейчас ведь все что-то делают. Вернее, делают всего два дела – одни убивают, другие отчаянно пытаются не умереть.

Я говорила откровенно. Я слишком поздно поняла, что он – один из *них*. Когда он снял очки, перед тем, как попрощаться. Басурманские глаза. Не могу вспомнить, кого он мне напоминает. Кого-то давно умершего, лицо с черно-белой фотографии... От этого не покидало ощущение тревоги.

После еды чувствуешь свой желудок. Нельзя танцевать с переполненным желудком.

2 апреля, суббота

Удивительно милый смех. У него был удивительно милый смех... Говорили, что в нем есть что-то страшное, что он ходит «не один». Много цинизма – и в денежных вопросах, и в отношении к людям. В этом была его сила, но и слабость. Он хотел, чтобы искусство возбуждало чувственность. Всё в Дягилеве страшное и значительное... Он открывал миру гениев.

«Творец должен любить лишь красоту и лишь с нею вести беседу во время нежного, таинственного проявления своей божественной природы. Реакция искусства на земные заботы и волнения недостойна этой улыбки божества»...

На рынке рассказывают про пожар в квартире ресторатора, который поднес мне к юбилею те изумрудные серьги, настоящее сокровище (полмешка мороженой картошки, рыбные консервы, прогорклое масло в бутылке и пшённая крупа). Мы почти не были знакомы, но я хорошо запомнила его улыбку – хитрую и добродушную.

Они пришли под видом обыска, завели хозяина в ванную, ударили по голове прикладом и задушили простыней. Затем пили его коньяк и несколько часов насиловали его молодую жену, а потом задушили и её. Затем подожгли квартиру. Говорят, среди *них* были рабочие, которые когда-то ремонтировали его квартиру. Пятилетнего сына они оставили в живых, но ребенок задохнулся во время пожара.

Мы с Ольгой видели дым из окна. Не уверена, что это был *тот* пожар... Сейчас много подобных случаев. Ольга говорит, что не может *их* осуждать. *Они* ненавидят нас за изумрудные серьги, за фальшивые благотворительные аукционы, за золотые унитазы в подмосковных особняках, за бриллиантовые ошейники для собачек. За все годы унижения и уничтожения, когда их трудом и потом, болезнями их жен и детей оплачивалась роскошь сытых... Если бы пять лет назад ресторатор мог предвидеть, чем всё закончится, он бы, наверное, заплатил своим рабочим по справедливости.

Брата Дягилева, Юрия Павловича, расстреляли на Соловках в том же 1929 году. Младший брат Валентин отсидел 10 лет в лагерях и 5 лет в ссылке.

6 апреля, среда

Ужас безумия начинается не тогда, когда принимаешь фантазии за реальность. Наоборот – это реальность становится неуловимой и жуткой, растворяется в воздухе, течет между пальцев. Всё, что происходит с нами сейчас, похоже на галлюцинацию. Бред больной фантазии, морок.

Голоса из прошлого внушают мне больше доверия, чем мой собственный голос. Но я должна говорить. Я буду говорить одна в этой холодной комнате, иначе я сойду с ума...

Я всё время мысленно обращаюсь к тебе. Я скучаю по тебе. Я хочу тебя видеть. Я не хочу, чтобы ты танцевал для меня. Я не хочу тебя утомлять. Я знаю твоё горе. Я думаю о тебе, когда говорю о Боге. Мы скоро должны умереть, но я давно готова к смерти. Я тебя люблю.

15 апреля, пятница

Холера. Голод. Тиф. Цинга. Изуверство. Крысы питаются сытным мясом повешенных. Ольга говорит, что мы должны уехать. Нужно двигаться к югу. Может быть, там нет снега. Она хочет ехать в Польшу, оттуда – в Италию.

Вацлава крестили в Варшаве, в костеле Святого Креста, где покоится сердце Шопена. Эта тайна навечно хранится в моей груди. Во мне бьётся его сердце.

Художник Серт сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.